

Тан Цинфэн много думал и пришел к выводу, что стать учеником-послушником при учителе — лучший для него вариант. Вечером, ужиная в доме четы Чжэн, он поделился своими соображениями с супругами, и те сочли его план вполне разумным.

Все профессии низки, лишь ученость возвышенна. Отец Тан Цинфэна был человеком ученым, сдавшим экзамены на степень цзюйжэня. Если бы не ранняя кончина матери, Тан Цинфэн сейчас сидел бы в кабинете, постигая науки под присмотром отца, чтобы в будущем самому добиться высокого положения. Увы, родителей не стало, и помочь ему было некому.

В ту ночь Тан Цинфэн не вернулся в дом Танов, а остался ночевать у Чжэнов. Спалось ему прекрасно, и проснулся он на рассвете. Утро выдалось чудесным, и Тан Цинфэн, почувствовав, что груз забот на время отступил, решил сходить к реке поплескаться, заодно наловив рыбы к столу.

Через деревню протекал ручей. Никто не знал, откуда он берет начало и куда течет, но все жители любили приходить сюда, чтобы промыть рис или постирать одежду. По утрам здесь было особенно оживленно: девушки и молодые женщины собирались вместе, болтали, смеялись и с этой суеты начинали свой трудовой день.

Надо сказать, предки деревенских жителей проявили немалую дальновидность. Еще много лет назад был установлен строгий распорядок пользования водой. С четырех до пяти утра воду разрешалось брать только для промывки риса, овощей или для питья. С шести до семи было время стирки. И лишь когда все заканчивали стирать, воду можно было использовать для мытья ночных горшков и прочего. Все было устроено весьма разумно.

Когда Тан Цинфэн вышел из дома, было уже восемь утра. Хотя стояла осень, погода была вполне подходящей. Пройдя вдоль берега, он нашел отличное место: течение там было не слишком быстрым, а дно шло ступенями, образуя небольшие перекаты. Идеально для ловли рыбы.

Поставив корзину, он наломал ивовых веток, затем снял обувь и носки, подвернул штанины и, закрепив их, спустился в воду с корзиной и прутьями в руках. Вода коснулась кожи — не сказать, чтобы ледяная, вполне терпимо, но все же прохладно. Ступая босыми ногами по скользкому илу, Тан Цинфэн чуть не поскользнулся, но вовремя ухватился за деревце на берегу.

Найдя подходящий участок с небольшим перекатом, он при помощи ила соорудил запруду в виде рупора, постепенно сужающуюся к выходу. В конце он вырыл глубокую яму, вокруг которой также насыпал вал из ила, а позади ямы установил перегородку из сплетенных ивовых прутьев. Вода могла свободно проходить сквозь щели, а вот рыба оставалась в ловушке.

Тщательно укрепив плотину и проверив, не слишком ли силен поток, Тан Цинфэн медленно выбрался на берег, но не стал уходить. Он вспомнил, как любил в прошлой жизни мясо улиток, и решил набрать их к обеду — с приправами получится отличная закуска. Он помнил, что улитки обычно живут на водных растениях или на камнях и корягах, долгое время лежащих в

воде. Заметив в ручье несколько затонувших бревен, он нащупал вдоль них целую горсть улиток. Поскольку под рукой ничего не было, он сплел еще одну корзинку из ивы, на этот раз поплотнее, чтобы улов не растерялся по дороге. Так, совмещая приятное с полезным, он собирал улиток и ждал, пока рыба заплывет в ловушку.

Когда корзинка наполнилась, он пошел проверить яму. Увидев результат, невольно улыбнулся: еды хватит и на сегодня, и на завтра. В яме барахтались шесть-семь рыбешек разного размера, пара-тройка крупных крабов и десятков мелких креветок.

Быстро собрав добычу, он промыл ее в воде, не тратя времени на обувь, и помчался домой.

— Тетушка Чжэн, приготовьте мне рыбу в красном соусе! — закричал он еще с порога.

Тетушка Чжэн вышла из комнаты, ворча на ходу:

— Цинфэн, ты где бегаешь с самого утра? Какая еще рыба?

— Тетушка, смотрите, я сам наловил! — он с гордостью показал ей корзину с уловом.

Женщина посмотрела на рыбу, потом на промокшего, босоногого мальчишку. Она не знала, ругать ли его за озорство или похвалить за старательность — ведь он явно не хотел сидеть на шее и таким образом отрабатывать свой хлеб. Тан Цинфэн, увлеченный своим успехом, даже не подозревал, что она о нем думает. На самом деле он был просто мальчишкой, который обожал играть, а вовсе не таким уж рассудительным, как ей показалось.

Заметив взгляд тетушки, Тан Цинфэн смущенно опустил обувь, которую держал в руках:

— Тетушка, вы начинайте готовить, а я сейчас почищу рыбу, ладно? — и, не дожидаясь ответа, убежал вместе с корзиной.

Очистив рыбу от чешуи и внутренностей у колодца, он высыпал улиток в большой таз и положил туда кухонный нож. Это была маленькая хитрость: от железа улитки начинают выбрасывать молодь, и за ночь их становится больше, а мясо становится нежнее.

Все продукты — рыбу, креветок и крабов — он передал тетушке Чжэн, и она устроила настоящий пир. Из самой крупной рыбы сварили суп, остальные приготовили в красном соусе, добавив туда же креветок и крабов. Вкус получился невероятно нежным.

Все ели с большим аппетитом, а Тан Цинфэн про себя решил, что будет почаще выбираться на речку за свежим уловом для четы Чжэн. Заодно и поплещется, и на красивых деревенских девушек поглядит.

В сельские частные школы детей обычно отдавали с пяти лет. Вступительных экзаменов не было: достаточно было получить согласие учителя и совершить поклон перед табличкой или

изображением Конфуция, а затем поклониться самому наставнику.

Сроки обучения варьировались: существовали так называемые короткие и длинные курсы. Короткие длились от одного до трех месяцев; родители таких учеников не требовали многого, лишь бы ребенок научился читать, считать и писать куплеты. Длинные же начинались в середине первого лунного месяца и заканчивались в одиннадцатом. Считалось, что если школа длинная, то и учитель именитый, и программа обучения серьезная.

Тан Цинфэну казалось, что частная школа — это некое подобие семейной мастерской, несравнимой с учебными заведениями его прошлой жизни. Предметы были однообразны, все было нацелено лишь на будущую сдачу государственных экзаменов. Целыми днями нужно было только зубрить и читать. В памяти всплывали кадры из телевизионных передач: ученики читают стихи, постоянно покачиваясь из стороны в сторону.

Учителя звали Кун Лин, поговаривали, что он был потомком Конфуция в тридцать четвертом колене. Как он оказался в этой глухой деревушке, никто не спрашивал — боялись, что он рассердится и уйдет, оставив детей без образования.

Первое впечатление от учителя: очень молодой, лицо словно выточено из нефрита, густые брови, ясные глаза, алые губы, белоснежные зубы — не больше тридцати лет. Тан Цинфэн не успел рассмотреть его внимательнее, как старый староста нажал ему на голову, заставляя поклониться до земли. Старик Чжэн уже рассказал старосте о желании Цинфэна, и тот с радостью взял на себя роль посредника.

— Учитель, простите за беспокойство, — староста одной рукой придерживал голову Тан Цинфэна, а другой сам отвечивал поклон. Учитель Кун принял приветствие с достоинством.

— Староста, присаживайтесь, я налью вам воды. — Учитель собрался было встать, но староста не позволил. Он подтолкнул Тан Цинфэна, намекая, чтобы тот проявил расторопность и произвел на учителя хорошее впечатление.

— Сидите, учитель, такие мелочи пусть делает мой помощник, — сказал староста.

Тан Цинфэн, поняв намек, ловко схватил чайник, разлил чай по двум чашкам и подал гостям. После чего замер за спиной старосты.

Сделав несколько глотков, староста перешел к делу:

— Учитель, я пришел просить вас об одной услуге.

— Староста, что случилось? — Учитель держал чашку в руках, не спеша пить. Тан Цинфэн обратил внимание на его руки — они были белыми и нежными, как у девушки.

— Видите ли, этот мальчик — Тан Цинфэн, — староста указал на него. — Его отец был ученым

мужем. Жаль, что родители рано ушли, остался он совсем один.

Кун Лин посмотрел на Тан Цинфэна. В его глазах мальчик выглядел довольно симпатичным, пусть и худощавым, а в его темных глазах читалась жажда жизни.

<http://bllate.org/book/21782/2252360>